

Глава 16. Тени былого в зеркале вод

Когда Те Сюань протянул ему парчовый мешочек, Янь Наньюй поначалу остался безучастен. Но стоило взять подношение в руки, стоило пальцам ощутить текстуру ткани, как в памяти вспыхнуло: когда-то он сам отрезал прядь своих волос и отдал её одному человеку. Прошлое казалось зыбким маревом, призрачным отражением луны в воде — порой, вспоминая о нём, Наньюй чувствовал, будто всё это случилось в другой жизни. И всё же это было правдой.

— Входите, — негромко произнёс Янь Наньюй, поворачиваясь к дверям.

Радушием он никогда не отличался. И хотя этот покойный знакомый оставил в его судьбе куда более глубокий след, чем случайный прохожий, Наньюй никогда не питал к Тысячерукому Будде тёплых чувств. Даже тот подарок, прядь волос, был лишь уловкой, попыткой использовать чужую страсть, чтобы спасти собственную жизнь.

***

Янь Наньюй жил в городке Лазурного Омута уже четыре года. Первые два он провёл в полном одиночестве, а оставшиеся — вместе с Янь Цином.

Дни текли мерно, словно тихая вода. Местные жители ничего не знали об их прошлом, не ведали о былых обидах и страстях, что сплелись в тугой узел. Если бы кто-то, видевший когда-то Янь Наньсюэ, взглянул сейчас на его сына, он был бы поражён их сходством. Если раньше они просто ходили друг на друга, то теперь Янь Наньюй стал живым воплощением отца, словно отлитый в той же форме. Лишь волосы его оставались чёрными, в остальном же он превратился во второго Янь Наньсюэ.

Наньюй не любил смотреться в зеркало. Каждый раз отражение напоминало ему об отце, покинувшем этот мир много лет назад. Это не значило, что он забыл: в самой глубине его души навсегда запечатлелся тот белоснежный силуэт. Однако теперь его долгом было заботиться о человеке, потерявшем рассудок, — о Янь Цине.

Янь Наньюй привык просыпаться рано — ещё одна привычка, обретённая в Лазурном Омуте. Но стоило ему шевельнуться, как Янь Цин, спавший рядом, тут же крепко вцеплялся в него, словно в ужасе боясь, что тот уйдёт. В такие минуты Наньюй замирал, закрывал глаза и слушал, как просыпается городок, дожидаясь, пока Янь Цин окончательно придёт в себя.

Два года назад он привёз потерявшего память Янь Цина сюда. Наньюй опасался, что тому будет трудно привыкнуть к новой жизни, но всё вышло иначе. Каждый день, пока Наньюй принимал пациентов, Янь Цин — в те часы, когда рассудок его был ясен — грелся на солнце у порога или помогал сушить травы. В добром расположении духа он даже бегал к соседям подсобить по хозяйству. Если же на него накатывала хандра или ярость, он нарочно переворачивал всё вверх дном и ждал возвращения Наньюя, чтобы тот навёл порядок.

Только тогда Янь Наньюй понял, как непросто опекать другого человека.

Со временем он подметил одну странность: если он заговаривал с какой-нибудь девушкой не о болезнях или задерживал на ком-то взгляд дольше обычного, Янь Цин мгновенно впадал в ярость. В остальном же он был на диво послушным и любил без умолку болтать, пересказывая мелкие новости: А-Ци снова принесла яиц, жена А-У помогла развесить бельё, соседка сшила ему новую рубаху...

Янь Наньюй засыпал с улыбкой на губах, привычно обнимая Янь Цина. В этом отрезанном от мира райском уголке дни сменяли друг друга, но скука так и не коснулась их сердец. Наньюй ценил здешний покой, зная, что такая атмосфера благотворно влияет на недуг его спутника. А Янь Цин с каждым днём всё больше вращался корнями в эту тихую жизнь.

Изредка случались и разлады. Канон Сокровенного Льда, которому следовал Наньюй... чем выше становился уровень мастерства, тем сильнее леденело сердце. Он не стал бессильным в мужском плане, как когда-то предупреждал отец, — возможно, дело было в тридцатилетнем запасе внутренней силы, который Янь Наньюй насильно влил в его каналы. Теперь, когда эта мощь окончательно сливалась с его собственной, а границы мастерства расширялись, Наньюй чувствовал, как мир вокруг него тускнеет. Всё становилось безразличным... всё, кроме той нити, что связывала его с Янь Цином. Эта связь проросла сквозь кости и плоть, и разорвать её было невозможно.

Наньюй нанял для соседей учителя в знак благодарности за их доброту к Янь Цину — ведь он не мог оберегать его каждую секунду. Он лечил приезжих за плату, чтобы не прозябать в нищете, а вовсе не из великого сострадания. К самому же Янь Цину он испытывал сложный коктейль чувств: горечь прошлого, жгучую вину и ту самую любовь, которую до сих пор не решался признать даже перед самим собой.

Впрочем, привычка Янь Цина забираться под одеяло и приниматься его тискать и покусывать всё так же вызывала у него головную боль. Рассудок Янь Цина то мерк, то возвращался в те времена, когда они ещё не успели искалечить друг другу жизни. Несмотря на утрату боевых искусств, Янь Цин был физически здоров. И как любой зрелый мужчина, он часто испытывал желания, на которые Наньюй было трудно ответить. Не потому, что он не хотел — он просто не мог ощутить того же...

К счастью, он был не совсем похож на отца. Если он прикладывал усилия и тратил время, чтобы разжечь в себе пламя страсти, они оба в итоге оставались довольны.

Так они и жили, день за днём. Порой Наньюй ловил своё отражение в речной глади, и ему казалось, будто за его плечами — вековая усталость.

Однако этот парчовый мешочек подействовал на него как удар палкой. Он вырвал его из сладкого самообмана. Чего добивался Тысячерукий Будда? Они давно в расчёте. Зачем передавать эту вещь через третьи руки? Напомнить ему о былой грязи? Наньюй холодно усмехнулся. В этом мире не осталось ничего, что могло бы его напугать — пока Янь Цин в

безопасности, он примет любой вызов.

— Садитесь, — Янь Наньюй провёл Те Сюаня и его спутников в небольшую залу за аптечными шкафами и небрежно указал на свободные стулья. — Зачем Тысячерукий Будда велел вам искать меня?

Лицо Те Сюаня омрачилось.

— Господин Тысячерукий Будда... упокоился с миром.

Наньюй вскинул бровь.

— И?

— Старший пострадал из-за меня, перешёл дорогу людям из школы Эмэй, и в итоге... — Те Сюань заговорил с горечью, но Цинь Вань, сидевший рядом, осторожно потянул его за край одежды. Кузнец тут же осёкся, поняв, что вываливать свои беды на незнакомца не стоит. — В общем, так. Предсмертной волей старшего было навестить вас. Он сказал, что между вами вышло недоразумение, и просил передать несколько слов...

Наньюй пристально рассматривал Те Сюаня, пока тот не начал в смущении тереть ладони. Было ясно: этот юноша не лжёт. Но что с того? Мёртвые остаются мертвецами. Неужели этот старый лис вообразил, будто по нему будут тосковать?

Те Сюань взглянул на Цинь Ваня и Мо Чжэньчжэнь, которые тоже ждали продолжения.

— Старший просил передать это наедине.

Наньюй нахмурился и покосился на внутренние покои. Видимо, вчерашняя суета затянулась допоздна, и Янь Цин ещё крепко спал. Наньюй обернулся к Цинь Ваню и девушке:

— Посидите здесь. Мы с этим братом отойдём переговорить.

Мо Чжэньчжэнь послушно кивнула. Цинь Вань ответил вежливой улыбкой. Его выправка и манеры были безупречны, что заставило Наньюя присмотреться к нему повнимательнее. От этого господина Циня явственно веяло запахом крови и едва уловимой жаждой убийства — горький, ни с чем не сравнимый аромат человека из «мира рек и озёр».

Не подав виду, Наньюй перевёл взгляд на Те Сюаня. Этот парень выглядел простодушным и честным. У него была база внутренней силы, но на прожжённого воина он не походил. Как же их пути сошлись?

Выйдя из дома, Наньюй привёл Те Сюаня к самому берегу реки. Резким взмахом рукава он швырнул возвращённый мешочек в воду.

— Вы что?! — Те Сюань вскинулся, охваченный негодованием. Он уже потянулся было, чтобы поймать реликвию, но невидимая мягкая сила преградила ему путь.

— Это изначально была моя вещь. Теперь она мне не нужна, — Наньюй сложил руки в широких рукавах, гася инерцию удара. — Говори, что велел этот старик, и уходи.

Те Сюаню было обидно за покойного, но он добросовестно, слово в слово, передал послание:

— Старший сказал, что за сорок лет скитаний по Поднебесью вы были единственным, кто тронул его сердце. Он жалел, что вы встретились не в то время. Хотя вы и использовали его, он считал, что всё равно остался вашим должником... Ещё он просил передать, что на самом деле не так уродлив, как вы думали. Он всегда приходил к вам в маске. Я видел его настоящее лицо — он выглядел совсем молодым...

Янь Наньюй стоял, подставив лицо прохладному речному ветру. Он замер, глядя на водную гладь, руки безвольно свисали, а края одежд едва заметно трепетали. Он не чувствовал ни потрясения, ни капли жалости. Для него Тысячерукий Будда оставался лишь знакомым незнакомцем. Кем бы тот ни был на самом деле, Наньюй оставался глух к его признаниям.

— Он говорил, что пусть не красавец, но и не дряхлый старик, который бы вам не подходил... — Те Сюань замялся. Говорить такие нежности мужчине было неловко. — Он жил в Янчжоу только ради того, чтобы раз в месяц тайно видеть вас...

— Я услышал, — негромко прервал его Наньюй. — Послание передано. Уезжайте как можно скорее.

— И вам нечего сказать в ответ? — Те Сюань почувствовал, как к горлу подступил ком. Его душила обида за старика, который до последнего вдоха помнил об этом человеке. И его ужасало ледяное равнодушие этого «А-Ю». — Старший совершил много ошибок... но он ведь мёртв! Неужели совсем ничего?!

— Как тебя зовут? — вместо ответа спросил Наньюй.

Кузнец опешил.

— Те Сюань.

— Вижу, ты человек бесхитростный. Дам тебе совет: ты отравлен. Если хочешь пожить подольше, оставайся один, а твои спутники пусть уходят. Я вылечу тебя.

Янь Наньюй не искал неприятностей и не страдал избытком милосердия. Но видеть, как этот честный, едва начавший жить парень стоит одной ногой в могиле и даже не подозревает об этом, было выше его сил. К тому же, этот Те Сюань был «подарком» — пациентом, которого принесло к его порогу.

Те Сюань онемел. Наньюй, видя его оторопь, покачал головой:

— Неужели сам не заметил?

Тот лишь глупо мотнул головой в ответ.

— Ну и ну... — Наньюй вздохнул. — Разве ты не стал в последнее время сонливым? Не чувствуешь странного привкуса во рту? Тебя часто мучит жажда, а внутри внезапно вспыхивает жар, который невозможно унять?

Те Сюань замер. Он прикрыл рот рукой, выдохнул на ладонь и заметно побледнел.

— Белки твоих глаз желтоваты, губы приобрели нездоровый тёмный оттенок, а под ногтями проступили чёрные пятнышки. Я заподозрил яд сразу, судя по всему, тебя опоили несколько дней назад. Яд медленный, не слишком мощный. Похоже, тот, кто это сделал, не хочет твоей смерти прямо сейчас. Ему что-то от тебя нужно.

Объяснения Наньюя были настолько точными и спокойными, что Те Сюань мгновенно поверил.

— Но... я всего лишь кузнец. Кому я мог понадобиться? — на лице Те Сюаня отразилось мучительное сомнение.

Янь Наньюй понял, что у парня есть свои тайны. Он лишь вздохнул:

— Я не собираюсь выпытывать твои секреты. Спасая тебя только ради того, чтобы исполнить волю старика — уверен, он послал тебя не только ради слов, но и чтобы я присмотрел за тобой. Ладно. Хоть я и не считаю себя его должником, одним обещанием меньше. Останешься здесь — гарантирую, что будешь жить.

Но Те Сюань тут же запротестовал:

— Цинь Вань мне как брат, а Чжэньчжэнь — сестра! Как я могу их бросить?!

— Глуп ты, как пробка. Чем ближе люди, тем труднее распознать их умыслы... Впрочем, воля твоя. Хочешь — оставайся, хочешь — пропадай, только не тревожь покой этого городка.

Наньюй не стал настаивать. Если бы он сам когда-то не обжёгся на так называемых «друзьях», он бы тоже сейчас рассуждал как этот дурень.

Те Сюань терзался сомнениями. Ещё недавно он сам говорил Цинь Ваню, что хотел бы здесь поселиться. Теперь же бежать было глупо. Он ещё не выковал Семицветный клинок и вовсе не хотел умирать молодым. Хоть он и не чувствовал себя умирающим, все признаки, названные Наньюем, сошлись один к одному. Страх не было, но сердце сжала тревога.

— А-Ю, могу я просить об одном одолжении? — крикнул он вслед уходящему мастеру.

Янь Наньюй медленно обернулся.

— Настоящему мужчине не пристало по каждому поводу поминать слово «просить». Неужели ты не знаешь, что колено мужа стоит дороже золота?

Те Сюань вспыхнул от смущения, но ради друга продолжил:

— Цинь Вань из-за меня пострадал от рук Эмэй. Он ранен. Можешь ли ты помочь и ему?

Наньюй поморщился.

— Опять эта школа Эмэй?

Кузнец, почуяв надежду, зачастил:

— Так ты согласен?!

— Нет, — отрезал Наньюй. — Я не хочу впутываться в ваши дела. В «мире рек и озёр» вода глубока и мутна, советую тебе выбраться из неё, пока не поздно.

— Я клянусь, что никто не узнает! Пожалуйста... — Те Сюань в отчаянии забыл о своём яде и схватил Наньюя за рукав.

Тот явно не ожидал такого напора.

— Кем тебе приходится этот Цинь Вань, что ты так печёшься о нём?

— Он... мы братья по духу! — Те Сюань выпалил это так решительно, что ледяное сердце Наньюя на миг дрогнуло.

Янь Наньюй долго молчал, а затем вздохнул. Резким движением он высвободил рукав — ткань скользнула из пальцев Те Сюаня, словно живая.

— Хорошо. Что одного спасать, что двоих. Подлатаю вас, и проваливайтесь, чтобы духу вашего здесь не было. Не хватало мне ещё новых бед.

Те Сюань просиял.

— Спасибо тебе, А-Ю! Ты хороший человек.

Наньюй горько усмехнулся, и лицо его вновь стало холодным.

— А ты не слышал, что хорошие люди долго не живут?

Те Сюань растерянно смотрел в спину удаляющемуся Наньюю, прежде чем броситься следом. В воздухе вокруг мастера витал тонкий аромат — пахло горькими травами и свежим деревом. Совсем не так, как от Цинь Ваня.

Пока Те Сюань предавался раздумьям, они подошли к дверям. В этот момент Наньюй внезапно замер.

Створки распахнулись, и на порог выскочил Цинь Вань. Он выглядел непривычно растрёпанным и тут же замер, увидев хозяина дома.

— Те Сюань... — волосы Цинь Ваня беспорядочно рассыпались по плечам, шпилька в виде кисточки исчезла бесследно.

—...Что ещё за кобель тут объявился?! А ну, верни мне Сяо Синя! — раздался из дома яростный вопль.

Не успело эхо затихнуть, как Янь Наньюй, не глядя на Цинь Ваня, стремительно вошёл внутрь.

— Цинь Вань, что случилось? — Те Сюань никогда не видел друга в таком смятении. Он подхватил его под локоть. — Где Чжэньчжэнь?

Цинь Вань, переводя дух, ответил с нескрываемым раздражением:

— Мы с Чжэньчжэнь спокойно пили чай. И вдруг из спальни вылетает этот человек. На нём была такая же синяя одежда, и мы решили, что это и есть тот самый «брат Цинь». Хотели поздравить его, как положено...

— А он как зыркнет на меня! На приветствие Чжэньчжэнь — ноль внимания, набросился на меня, вцепился, стал одежду рвать... и нёс какую-то дичь! — Цинь Вань был вне себя. Он попытался поправить растерзанный пучок на голове, но в итоге волосы окончательно пали на плечи.

Те Сюань невольно протянул руку, чтобы убрать прядь с лица друга. Атмосфера вдруг стала странно-натянутой. Кузнец на мгновение залюбовался тем, какими мягкими были волосы Цинь Ваня, но тот резко отстранился, и лицо его потемнело. Те Сюань в смущении отвёл руку.

— Входите оба! — донёлся из дома голос Янь Наньюя.

Друзья переглянулись и переступили порог.

В комнате царил полный разгром. Мо Чжэньчжэнь, перепуганная до смерти, пыталась навести хоть какой-то порядок. А Янь Наньюй в это время изо всех сил старался успокоить незнакомца:

— Янь Цин, успокойся. Я никуда не уйду...

Мужчина был невероятно красив — красотой хищной, почти пугающей. Резкие черты лица, прямой нос, но больше всего поражали глаза. Они были не чёрными, а причудливого, колдовского янтарного цвета.

— Сяо Синь, этот кобель опять припёрся! Не смей уходить с ним! — Янь Цин, завидев Цинь Ваня, ошетинился, точно кот, которому наступили на хвост. Он яростно поморщился, выдавая недуг.

— Янь Цин, этот человек пришёл лечиться. Он не «кобель», — терпеливо уговаривал его Наньюй.

— Правда? — Янь Цин с подозрением покосился на позеленевшего от злости Цинь Ваня, а затем внезапно уткнулся лицом в грудь Наньюя. — Он злой. Я не хочу его видеть. Прогони его!

Лицо Цинь Ваня становилось всё мрачнее. Он уже развернулся, намереваясь уйти, но Те Сюань преградил ему дорогу.

— Брат Цин, мы пришли просить о помощи. Пожалуйста, позвольте нам остаться... Как только раны заживут, мы сразу уйдём.

Те Сюань понял: сегодня всё зависит от того, удастся ли смягчить этого Янь Цина.

— Брат, чем вы с господином Цинем заболели? — Мо Чжэньчжэнь не на шутку испугалась и принялась оглядывать Те Сюаня со всех сторон.

Кузнец натянуто улыбнулся:

— Пустяки. Не волнуйся, ничего серьёзного.

Цинь Вань продолжал хранить ледяное молчание, плотно сжав губы.

— Хи-хи... — вдруг глупо хихикнул Янь Цин. — А вы двое... вы кто друг другу?

Те Сюань, не смея медлить, ответил:

— Мы братья по духу.

— О-о-о, братья... — Янь Цин покосился на Наньюя. — Сяо Синь, как мы с тобой?

Наньюй лишь беспомощно улыбнулся. Те Сюань закивал:

— Да-да, именно так!

Лицо Янь Цина озарилось улыбкой:

— Ну, раз так — оставайтесь. Будете жить в одной комнате. А девчонку пусть А-Ци заберёт. Сяо Синь, я ведь хорошо придумал?

— Хорошо, — кивнул Наньюй, глядя на него с такой явной нежностью и снисходительностью, что Те Сюаню стало не по себе. Эти «братья» вели себя очень странно. Больше походило на то, что они — любовники...

Те Сюань тряхнул головой, отгоняя нелепые мысли. Мало ли, что Тысячерукому Будде нравился этот мастер, нельзя же теперь каждого подозревать в пристрастии к «обрезанным рукавам»!

— Брат, я хочу остаться с вами! — жалобно заскулила Мо Чжэньчжэнь, но её всё же увела А-Ци, пришедшая на зов Наньюя.

Когда девушка ушла, Цинь Вань ударился в медитацию в отведённой ему комнате. Те Сюань же, видя, что друг не в духе, остался в зале убирать то, что не успела Чжэньчжэнь.

Наньюй что-то прошептал Янь Цину, и тот, радостно смеясь, выскочил за дверь. Хозяин дома подошёл к Те Сюаню и помог ему поднять перевёрнутые стулья.

— А-Ю, а почему брат Цин зовёт тебя «Сяо Синь»? — спросил кузнец, решив разрядить гнетущую тишину.

Янь Наньюй на мгновение замер.

— В юности я носил фамилию матери. Синь.

— А-а, понятно! Брат Цин — Янь, а ты — Синь. Фамилия матери... — Те Сюань удовлетворённо кивнул, довольный собственной догадливостью.

Наньюй тихо рассмеялся.

— Мы двоюродные братья. Теперь я ношу фамилию отца. Янь Наньюй.

— Красивое имя... — Те Сюань не был силён в изящной словесности, но даже он почувствовал, сколько в этом имени было лёгкости и свободы.

— А ты? Назвался Те, потому что кузнец, или отец и впрямь носил эту фамилию? — неожиданно поинтересовался Наньюй.

Те Сюань помрачнел.

— Я сирота. Мастер подобрал меня совсем маленьким. Его фамилия была Те, и я взял её. Он учил меня ковать железо... Он был лучшим человеком на свете. И он погиб, защищая меня.

Наньюй уловил его боль и тихо вздохнул:

— Раз он хотел, чтобы ты жил — живи за него. Умереть проще простого. Жить — вот что по-настоящему трудно.

Те Сюань справился с нахлынувшей печалью и через силу улыбнулся:

— Да, я запомню это.

— Твоя внутренняя сила... это тоже мастер обучил тебя? — Наньюй сменил тему.

Те Сюань был благодарен ему за такт. После Чжэньчжэнь и Цинь Ваня этот мастер был третьим человеком, проявившим к нему доброту. Но вопрос поставил его в тупик.

— Какая сила?

Наньюй поправил последний стул и усмехнулся:

— Ты не знаешь? Но я вижу, что твоя база заложена весьма добротню.

— Откуда мне знать?

Наньюй покачал головой:

— Какое расточительство... Если ты не знаешь о внутренней силе, то как же ты тренировался?

Те Сюань вытаращил глаза:

— Я просто делал то, что велел мастер... Боевым искусствам я не учился. — Тут до кузнеца стало доходить. Неужели та мощь, которая бурлила в его руках, и впрямь была магической силой воинов?

Наньюй некоторое время изучал его, а затем произнёс:

— Вижу, у тебя отличные задатки. И душа чиста. Ты — прекрасный материал для мастера боевых искусств. Когда выведем яд... не хочешь ли ты стать моим учеником?

— Что?! — Те Сюань окончательно потерял дар речи. Нет, он понимал, что это великая удача, но... этот Янь Наньюй выглядел немногим старше его самого. Чему он может научить?

— Можешь подумать. Умение драться не означает, что ты обязан ввязываться в дразги «мира рек и озёр». Добро и зло — они в сердце человека, а лишнее умение защитить себя никогда не помешает.

Наньюй не обиделся на его колебания, он говорил искренне. Те Сюань долго молчал, глядя на него, и наконец медленно кивнул. Он тоже хотел быть тем, на кого можно опереться. Чтобы не прятаться больше за чужими спинами. Чтобы те, кто ему дорог, больше не истекали кровью, защищая его слабость.

<http://bllate.org/book/17419/1657745>